

A.T.K.

*На холме среди
одуванчиков*

ТК А

На холме среди одуванчиков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69850585

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-91048-5

Аннотация

Данная книга представляет собой сборник коротких жестких, мистических и сентиментальных рассказов, связанных единой онтологической концепцией, которая раскрывается в конце повествования. Рекомендуется по одному рассказу на ночь в течение недели.

Содержание

Шаман	5
Машенька	10
Учитель	13
Павлик	22
Цирк	30
Планета цветов	38
Вечные души	45
Эпилог	56

ТК А

На холме среди одуванчиков

Сборник историй

Иллюстрации автора

Данная книга представляет собой сборник коротких эмоциональных историй – забытый жанр. На первый взгляд, истории не связаны между собой, однако это не совсем так.

Шаман

Мальчик взбежал на вершину усеянного валунами холма, одна сторона которого плавно сходила к деревне, а другая круто обрывалась, упираясь в беспокойное исчерченное белыми барашками море. Неподалеку от холма находился огромный галечный пляж, издавна облюбованный моржами. Внезапно матерые секачи и их подружки с ревом снялись с лежбища и, разбивая могучими шеями прибой, ушли в море. Неподалеку от побережья на отмели вода словно вскипела – в море также уходили морские коровы.

Начали собираться тучи, напомнившие мальчику китов. Сначала над горизонтом появились бесформенные горбачи, которые, сливаясь друг с другом, превратились в грозных нарвалов, а через некоторое время крупнейший из китов заслонил все небо. Стало сумрачно и сыро.

Мальчик сел на камень, раскрыл кожаный мешок и достал кусок вяленой рыбы.

– Скоро шторм, коровы всегда чувствуют шторм, – тихо произнес он.

Мальчик привык к беспокойному нраву моря и даже любил непогоду, когда все живое замирало и пряталось. Тогда никакие духи не могли проникнуть в его мысли, и он мог мечтать о том, что скоро подрастет тюлений молодняк и придет время его первой охоты.

Внезапно размышления мальчика прервались – он увидел странную птицу, которая выплыла из-за скалы и стала быстро приближаться к берегу. Он подумал, что она такая же огромная, как киты. Ни отец, ни дед никогда не рассказывали ему об этой удивительной птице с длинным клювом и белыми, как снег, крыльями. Однако через некоторое время стало ясно, что к берегу плывет гигантская лодка с множеством суесящихся в ней людей.

«Наверное, они ищут убежище за скалой», – подумал мальчик.

Скала возвышалась над водой неподалеку от берега, и за нею даже в шторм было относительно тихо. Он положил рыбу обратно в мешок и стал спускаться к деревне, чтобы рассказать о чудесной лодке. Когда извилистая тропа снова вывела его к морю, то он увидел трех китов, круживших вокруг лодки. Киты словно играли с ней, по очереди поддевая ее на свои могучие спины и сбрасывая на воду. Мальчик остановился в недоумении – обычно финвалы сторонились людей.

Пока он стоял над обрывом, внизу у самой кромки воды сидел старый шаман, который умел заговаривать море, вызывать ветер и дождь, владел многими другими таинствами древнего, как мир, искусства. Когда-то очень давно, когда он жил в деревне, на берег выбросился старый кашалот. Для шамана это было большой удачей. Перед общением с духами мертвых, ночью у костра он съел глаз кашалота, чтобы увидеть будущее. Кружась в неистовом диком танце, шаман

содрогался и кричал, глядя на опустошенную, истерзанную землю: тысячи освеженных котиков и каланов вдоль побережья, разодранных крюками священных финвалов и доверчивых глупых морских коров. Он видел что-то еще, что касалось его народа, но ничего не сказал своим соплеменникам, а просто ушел из деревни на побережье, сел у кромки воды и стал пристально глядеть вдаль. Он так долго сидел на сырых холодных камнях, что постепенно сросся с ними и сам обратился в камень.

Проходили годы. Ветер и соленая вода сточили и сгладили черты шамана – он стал почти незаметен среди валунов, щедро разбросанных вдоль побережья. Соплеменники стали забывать о нем, и только самые старые еще помнили предание о великом колдуне, который стережет деревню со стороны моря, но не помнили, зачем и от кого. Старики уходили к предкам, в это предание уже мало кто верил, а шаман все глядел на море и ждал: годы, десятилетия, вечность. Ждал не один, а со своим верным тотемом – тремя могучими финвалами.

Внезапно киты перестали кружить вокруг лодки, зашли со стороны открытого моря и стали толкать ее прямо на скалу. Мальчик увидел, как люди в лодке отчаянно заметались, а некоторые стали прыгать за борт в холодные бурлящие воды прибоя. И только один человек стоял неподвижно, как скала, широко расставив ноги и обхватив высокий столб. Он что-то

кричал и его волевой голос доносился до берега даже сквозь грохот прибоя. Мальчик понял, что этот человек – вождь, воодушевлявший своих соплеменников перед лицом неминуемой гибели.

Ударом о скалу лодку разнесло в щепки. Испуганные чайки взвились в небо и своим гомоном на время заглушили крики тонущих людей.

Вскоре гомон стих, и море стало выносить на берег остатки крушения. Мальчик сошел вниз к воде. Пораженный, он бродил вдоль берега, усеянного телами людей и множеством странных и удивительных предметов. Однако больше всего его поразили сами люди – большого роста, широкоплечие, с крупными ладонями и ступнями, светлокожие. Мальчик подумал, что это племя живет среди снега и льдов, которые выбелили их кожу. Среди тел он увидел вождя. Тот еще дышал, его глаза были широко открыты и неподвижно глядели в сумрачное небо. Мальчик склонился и приподнял его голову с обгаренного кровью камня.

– Не умирай, вождь, слышишь, не умирай! Ты должен рассказать о себе, своем племени, замечательной лодке, куда плыл и зачем. Когда-то у нас был шаман, он бы тебя вылечил. Старики наверняка знают, где его найти. Я быстрый, разыщу его и приведу с собой. Ты только подожди немного.

Финвалы уплыли в море. Дымка взвилась над холмом и растворилась в воздухе. Это шаман, наконец, обрел долго-

жданый покой среди духов предков. А мальчик бежал в деревню, и капли косо́го дождя сбивали слезы с его лица.

Машенька

Откуда-то из глубин памяти постепенно, вежа за вежой, всплыла дорога, которая привела меня к желтому двухэтажному дому и дальше до обшарпанной когда-то белой двери. Подсознательно я чувствовал, что могу укрыться только за ней. Все равно идти было больше некуда. Разбежавшись, я навалился плечом на дверь, но та не поддалась. Немного постояв под ней, я почесал затылок, развернулся и пошел куда глаза глядят. Вдруг сбоку промелькнула белая тень, и бородастый санитар в рваном халате свалил меня с ног и вдавил жирным брюхом в асфальт. Усевшись верхом на моей груди, он долго и с наслаждением бил меня по лицу огромными волосатыми кулаками, приговаривая:

– Сбежать хотел, жмурик? Что, не нравится в ящике, падла? От Захара еще никто не убегал. Я и не таких, как ты, обламывал, падла.

Я знал, что скоро меня снова уколут, после чего я надолго впаду в скотское состояние, из которого так и не успел выбраться. А потому мне было наплевать на соленый привкус крови во рту и на рев сатанинского санитаря. Хотелось только поскорее забыться тяжелым сном.

Она была глубокой как бездна, прекрасной как кошка и непостижимой как истина. Мы встречались глубокой ночью,

я целовал ее прохладные губы и бархатный пушок над ними, а она смотрела на отблески звезд в черных лужах и вдыхала густой аромат сирени.

Ее звали Маша, Машенька. Она носила простые ситцевые платья в цветочек, ее короткие волосы были мягкими и воздушными, как дневной сон, а большие влажные глаза обычно устремлялись в несуществующую даль. Но когда она, словно Венера, вступала на брег земной из пенных волн своего воображения, то начинала трепетно изучать каждую черту моего лица, изумляясь и цокая языком, когда ей открывалось что-то новое. Я тихо внимал каждому ее слову и забегал вперед, чтобы разогнать тьму, когда замечал в ее глазах зарождавшийся страх перед глухой стеной сумрака. Все мои дни были наполнены переживанием вновь и вновь каждого прикосновения к ее трепетному телу, каждого взгляда и мимолетного поцелуя. Я боготворил эти мгновения, имя которым было Счастье.

Когда мы босиком вступали во влажное туманное утро, утомленные, но бесконечно счастливые, то я провожал ее до пропахшего лекарствами дома. Тихая няня молча открывала нам дверь и провожала Машеньку до палаты, мелко семеня за ней со связкой громадных ключей в руке.

Машенька была больна, давно и тяжело. Болезнь вселилась в ее мозг еще в детстве и истощала впечатлительную натуру страхами и приступами глубокой меланхолии, во время которых она сутками лежала на кровати, тихо разговаривая

с бесконечной чередой образов, которые складывались в ее воображении из лабиринта неровностей, трещин и шероховатостей больничного потолка. Я был уверен, что бесконечная тоска и безысходность, поселившиеся в старой больнице, питали того червя, который медленно разрушал ее мозг, и мечтал увезти ее туда, где мы могли бы бесконечно наслаждаться тем удивительным чувством, имя которому – Любовь.

Однажды под ветвями плакучей ивы я сказал Машеньке, что хочу купить дом в деревне и увезти ее туда. Она улыбнулась, и луч надежды озарил ее прекрасные черты. В тот же день я уехал искать наш будущий рай.

– Машка, слышь? Тут к тебе этот псих ломится. Месяц не было, я думала, он уже того, окочурился. Ишь как ломится, а казался из интеллигентных. Пускать?

– Клавка из параноидального сказала, что у него было обострение и его посадили в ящик на уколы. Не, не впускай, а то люди смеются, что с шизом гуляла. Жалко просто было. Я через полчаса с Захаром встречаюсь, у меня с ним походу роман, лав стори, – ответила Мария Семенюк, закладывая в автоклав новую порцию больничного белья, и расхохоталась: – Подменишь?

– Подменю, чего уж там. Ох, и счастливая ты, Маня! Захар-то видный мужчина, сурьезный, не чета этим чудикам малахольным.

Учитель

Когда я приехал в этот медвежий угол Дакоты, то знал только, что лабораторией управляет Берт и в ней ведутся селекционные работы по выведению исполинских червей, способных перелопачивать жирные объедки процветающей цивилизации. Спрашивать, как он нашел меня и зачем, было бы проявлением дурного воспитания, поскольку речь шла о весьма приличных деньгах.

Берт встретил меня у выхода из аэропорта и, широко улыбнувшись, энергично устремился навстречу. Мы обнялись как старые друзья, после чего Берт взял мой багаж и направился к ветхому быюику, который с ревом и на удивление лихо понес нас по проселочным дорогам, утопавшим в тени вековых елей. Берт сидел за рулем и насвистывал мотив из «Я и Барни – веселые парни». Я же чувствовал себя утомленным перелетом, поэтому откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Где-то глубоко под сердцем зародилось и стало шириться сладкое чувство дремы, которое патокой растеклось по всему телу, и я стал, медленно кружась, погружаться в омут воспоминаний.

Внешне Берт мало изменился с тех пор, когда я был на воспитании в частном пансионе для мальчиков, чьи отцы, в том числе и мой, героически погибли где-то в джунглях

под Сайгоном. Пансион существовал на деньги химического магната из Монтаны, который сколотил капитал на поставках напалма и оранжа Пентагону во время Вьетнамской кампании, а после ее известного финала стал замаливать грехи, жертвуя на кладбища и патриотическое воспитание юного поколения.

В пансионе Берт был учителем природоведения. Натуралист от Бога, он в любую погоду проводил уроки вне стен душного каменного ящика, каковым являлось старинное и сумрачное здание школы – бывшей теологической семинарии. Я хорошо помнил, как он шумно выходил из дверей школы своим размашистым шагом на почти негнущихся длинных ногах и нас словно вихрем выдувало за ним. Остановившись на мгновение, он выбирал направление и шел напрямик через лес, продираясь с нами через густой подлесок или крутой овраг. Но чем больше ссадин и ушибов мы получали, тем становились более счастливыми, давая выход бурлившей в наших телах полудикой и необузданной энергии детства.

Свои истории Берт обычно начинал словами: «Давным-давно, когда люди жили в подземных норах, наверху в зеленом царстве жил да был...» – жук, паук или бабочка в зависимости от того, какое животное первым попадалось в сети нашего неумного любопытства, а по мере роста коллекции сказка обрастала все новыми сюжетными линиями и персонажами.

Мы все были увлечены игрой, которую придумал Берт. Иногда во время похода учитель внезапно замирал, его глаза покрывались поволокой, и он на несколько минут застывал в позе, в которой его настигло наваждение. Мы приписывали это состояние тому, что учитель слушает голос природы.

Позже, учась в университете, я осмыслил истории Берта. Раньше они казались мне всего лишь увлекательной игрой, но теперь я понял, что он излагал нам свою философию, в которой мир был исполнен божественным смыслом до тех пор, пока человек не унижил природу, нагую и беззащитную, не поработил ее, превратив в свою наложницу, и не низвел великое таинство до уровня логических выкладок в свою пользу. В мире Берта не было людей, но казалось, что был он сам – вечный, уверенно шагающий по своим владениям, иногда замирая, чтобы слушать голос природы.

Машина резко затормозила и заглохла. Мы вышли на поляну, в центре которой клубился густой желтый туман.

– Добро пожаловать в то – не знаю что, – произнес с улыбкой Берт и шагнул в туман. Я пошел за ним и через некоторое время вышел к месту, где пелена немного рассеивалась. Там я увидел гигантскую матово-серую клавиатуру и Берта, скакавшего с клавиши на клавишу. Это напомнило мне игру в классики.

– Начало новой игры учителя, – пробормотал я, догадавшись, что тот вводит пароль.

Внезапно Берт остановился и поманил меня рукой. Рядом с клавишей ENTER открылся люк, под которым оказался подъемник. Мы взошли на него и стали медленно опускаться под землю. Через некоторое время подъемник остановился, и мы оказались в гигантской лаборатории, края которой утопали в сумраке. Внутри было тепло и сыро, стоял густой вязкий запах перегноя и еще каких-то испарений. По глиняному испещренному следами гусениц машин основанию лаборатории сновало около десятка крупных каров с металлическими решетками вместо стекол, которые развозили и сбрасывали в огромные ямы спрессованные мусорные брикеты.

Мы поднялись на наблюдательный мостик.

– Здесь мои воины, – произнес Берт, глядя в полумрак лаборатории сквозь прозрачное плексигласовое ограждение.

Внезапно тьму словно рассекла молния – исполинский червь взвил к потолку флуоресцирующее серо-голубое тело, вытянулся в струну и, застыв на секунду, с грохотом обрушился вниз и исчез во мраке норы. Инстинктивно я отпрянул назад.

– Я хочу, чтобы ими можно было управлять, – произнес Берт, повернулся ко мне и раскрыл ладонь, в которой поблескивала горка микросхем.

– Эти чипы генерируют управляемые импульсы с любой точки своей поверхности. Я очень рассчитываю, что ты сможешь имплантировать их в ганглии червей. Я верю в тебя, ведь ты – мой лучший ученик.

Сказав это, Берт переложил микросхемы в мою ладонь, развернулся и ушел. После увиденного мысль управлять червями показалась мне разумной, и я с энтузиазмом принялся за дело. Каждое утро начиналось с того, что рабочие сливали тонны воды в одну из нор, а когда оттуда показывался червь, то поддевали его крюком за плоть вокруг ротового отверстия, вытаскивали целиком из норы с помощью лебедок и вытягивали туловище в горизонтальную струну. После этого я усаживался верхом на головной сегмент червя, с помощью мачете распарывал тугой слизкий покров и погружал обе руки в прохладное густое, как каша, нутро. Там я нащупывал нервный узел и закреплял чипы на его поверхности. После этого червя перетаскивали в огороженное помещение, где я проводил отладку системы «сигнал – ответ». Вся итоговая информация по управлению червями отправлялась в центральный сервер, доступ к которому имел только Берт.

«Приручение» червей продолжалась около года. В течение этого времени я видел учителя только однажды, когда тот с лабораторного мостика пристально наблюдал за моими манипуляциями.

На выходе из лаборатории меня поджидал Берт. В его руке блеснул кольт.

– Спасибо за отличную работу, – произнес он. – Я не ошибся в своем лучшем ученике. А теперь иди, не бойся.

Берт уперся в меня немигающим взглядом.

– Иди же, ведь мы по-прежнему друзья.

За минуту до этого я наткнулся на полупереваренные останки своих помощников возле одной из гигантских нор.

Берт шагнул в сторону, и я медленно поплелся мимо него в желтый туман, считая про себя шаги, каждый из которых мог стать последним. Однако Берт не выстрелил.

Когда я выбрался из тумана, то догадался, зачем учитель сохранил мне жизнь. Он хотел, чтобы перед смертью я понял, частью какой игры невольно стал. Поле вокруг и лес за ним были словно вспороты исполинским плугом, а воздух наполняли раздраженные крики тысяч птиц, обескураженных произошедшими переменами. Несколько червей поблизости инстинктивно пытались уйти под землю, однако почвенный покров был слишком тонок, чтобы вместить их тела, поэтому они неслись по поверхности, оставляя за собой гигантские траншеи с полужидким перегноем.

Один из исполинских червей устремился в мою сторону, выбрасывая вперед переднюю половину тела и подтягивая налитый кровью хвост. В несколько прыжков я добрался до Бьюика и укрылся в нем. Гигантская туша с шумом пронеслась всего в нескольких метрах от машины.

Я вылез из машины, перебрался через проложенную червем борозду и побежал назад в сторону лаборатории – все равно идти было больше некуда. Наконец меня накрыл спасительный туман. Возле клавиатуры было необыкновенно тихо – мгла словно изолировала это место от внешнего ми-

ра. Берт сидел на клавише ENTER с ноутбуком на коленях и сосредоточенно глядел в экран монитора. Рядом лежал радиоприемник, по которому передавали новости CNN.

– Это ваша новая игра? – спросил я.

– Эта игра стара как мир, – задумчиво произнес Берт, более никак не отреагировав на мое появление.

– Почему вы не убили меня?

– Я дал тебе шанс, мой мальчик, – ответил Берт и посмотрел мне в глаза. – Ты им воспользовался и вернулся ко мне. А теперь садись рядом, – добавил он. Я послушно сел.

– Смотри в монитор. Мои воины уже разрушили города и коммуникации в четырех штатах, а правительство еще ничего не поняло. Когда они поймут, что есть только один эффективный способ убить гигантского червя – это применить напалм, – тут Берт рассмеялся.

– Ты помнишь лысого старину Фрэда из Монтаны, который содержал пансион? Так вот, его склады, заводы и прочее хозяйство пошли прахом в первую очередь. Но там, – Берт указал пальцем вверх, – баксы – это просто бумажки с портретами мертвецов, и вряд ли он купит на них индульгенцию.

Со стороны казалось, что Берт играет в обычную стратегию. Все типы объектов на экране монитора имели свои обозначения. Черви были отмечены красными крестиками. Ими можно было управлять, выделяя головной крестик, а затем щелкая по пункту назначения.

– Через пару недель бóльшая часть континента превра-

тится в распаханное и хорошо удобрённое поле, после чего мои воины размножатся и отправятся в небольшое путешествие через океан. Конечно, люди будут пытаться укрыться в горах и полярных районах, но я припас для них ещё один сюрприз...

Внезапно учитель прервал свою речь и замер, а его глаза покрылись знакомой мне поволокой. Он впал в транс, который, как я понял только сейчас, был физическим проявлением его безумия.

Не сомневаясь в своих действиях, я вытащил пистолет из кобуры Берта и, приставив ободок ствола к виску учителя, попытался разрядить его. Однако к моему удивлению, которое сменилось разочарованием, пистолет оказался разряженным. Тогда, прыгая с клавиши на клавишу, я ввел пароль, затем перетащил Берта на подъемник, который начал медленно опускаться вниз. Стоя на краю над шахтой подъемника, я крепко ухватил волосы учителя обеими руками. Когда подъемник ушел вниз, то Берт повис, удерживаемый мною так, чтобы его шея находилась на уровне люка. Механизм закрытия входа в лабораторию пришел в действие, и металлический круг тяжело сдвинулся с места. Берт начал приходить в себя. Не предпринимая физических попыток освободиться, он только тихо произнес:

– Что ты делаешь? Я ведь дал тебе шанс и разделил эту игру с тобой. Неужели ты не видишь, насколько мы близки...

Мне было невыносимо больно слышать его слова, но ре-

шение было принято. Берт захрипел, под давлением металла его плоть начала издавать чавкающие звуки, и вскоре все закончилось. Я отшвырнул окровавленную голову в туман, пересел на клавишу Escape и положил на колени его ноутбук.

Учитель совершил стратегическую ошибку, которую я должен был немедленно исправить. Мировой опыт говорит о том, что нельзя разжимать кулаки и воевать сразу против всех. Поэтому я задал червям только три направления: Нью-Йорк, Вашингтон и Чикаго. Если будут разрушены эти города, то Америка оцепенеет и в глухом отчаянии падет предо мной на колени.

Я был согласен с учителем в том, что рано или поздно жизнь, какой мы ее знаем, будет уничтожена в термоядерном пекле или череде техногенных катастроф, но в отличие от Берта я не отказывал человеку в праве на дальнейшее существование, совсем нет. В конце концов, Homo sapiens – любимая, хоть и самая рискованная игрушка эволюции. Его главная проблема – это непомерная гордыня, за которую он был не единожды покаран, но еще более усердствовал во грехе. Новый Прометей окажет человечеству услугу и вернет единый язык, культуру и религию, утраченные во времена вавилонского столпотворения. А на пепелище старого мира из последней искры – тысячи выживших героев-прародителей – вспыхнет единая цивилизация будущего, лишённая атавизмов границ, рас, рабства, культурных и языковых барьеров. Так началась моя игра.

Павлик

Когда меня мучила бессонница, то, чтобы уснуть, мне нужно было словить чувство кайфа без всякой дряни. Для этого я выпускал погулять свою тень. Сперва она бесшумно выскальзывала из окна спальни на улицу, затем проползала под кустами сирени к шоссе и там забавлялась, пугая полусонных дальнобойщиков. Так, она частенько врывается в свет их лупоглазых фур бесформенным клубком тьмы, внутри которого, как желток на канатиках, болталось тускло люминесцирующее око, проецировавшее происходящее прямиком в мое сознание. Не раз я видел, как гримаса ужаса искажала лицо водилы за секунду до того, как фура врезалась в эпицентр густого сумрака. Через мгновение тень оказывалась внутри кабины, где обволакивала и ослепляла огорошенного работягу. Однако развлекаться на дорогах было не в моих правилах, а поскольку я всю жизнь строго придерживался определенных принципов, то еще до беды отгонял тень от водилы, и тот, отчаянно газуя, уносил фуру прочь, не замечая ни машин, ни светофоров, ни ментов, которые махали ему вслед полосатыми палками.

А в это время моя великолепная тень бесшумно перебиралась на другую сторону шоссе, где она, распластавшись на захарканном и забычкованном асфальте автобусной остановки, проползала под ногами у матерящихся шлюх и растворя-

лась в уютной тишине городского парка. Там я как заботливый хозяин ненадолго спускал ее с телепатического поводка, и она мило шалила в густых кронах дубов и тополей, гоняя ярких белок и погружая птичьи гнезда в мертвенный холод своей потусторонней сущности.

Но когда я наконец желал уснуть, то направлял тень в один из монолитных домов в центре города, где она выискивала грязных людишек, надрывно храпевших после гнусных утех. У тени был нюх на таких. Обнаружив добычу, тень запечатывала ее рот поцелуем тридахны, а затем парализовала волю и погружала рассудок в пучину первородного ужаса. Она, как дементор, питалась предсмертным отчаянием своих жертв, но иногда могла полакомиться и чем-то более материальным.

Так, изредка кто-то из грязных людишек в припадке отчаянного безумия умудрялся разорвать сжимающиеся кольца моей тени и тянулся кто за мобилой, а кто и за припрятанной под подушкой пукалкой (ха-ха). Но тень решительно пресекала эти дерзкие выходки, замораживая чересчур шуструю конечность до состояния горного хрусталя. Та откалывалась от хозяина и со звоном ударялась об пол, рассыпаясь на тысячи ледяных осколков, по которым, как улитка, скользила тень, слизывая вкусняшки.

Глядя на агонию грязных людишек, которые днем поливали таких воспитанных мальчиков и девочек, как ты и я, грязью из-под колес своих тачек, а ночью трепыхались, оку-

танные тенью, и пучили глаза, как барбусы на дне разбитого аквариума, мое беспокойное и немного гордое сердце наполнялось наконец сладкой дремотной негой, и я засыпал, не забыв прежде призвать тень к себе. Услышав мой призыв, она молнией пронеслась сквозь спящий город и бесшумно прокрадывалась в спальню, послушно и мягко занимая место рядом со своим хозяином. Тень была предана мне, как Хатико.

Возможно, с вашей точки зрения я немного перебарщивал с грязными людишками, но, во-первых, каждый сам выбирает свою планиду, а во-вторых, я по кусочкам вырывал наше с тобой будущее из их цепкой бульдожьей хватки, а это, поверь мне, стоило их никчемных жизней. Меня вполне устраивало быть невидимым санитаром города – повелителем inferнальной Хатико. Я очень боялся потерять ее и остаться беззащитным и беспомощным в этом мире, таким же, как ты.

Однажды тень случайно нашла его в одной из квартир рыжего дома с часами на центральном проспекте. Мальчик спал в своей комнате и не проснулся, даже когда его отец издал рык, пузыря кровью из рта, опутанный кольцами моей веселящейся тени.

Нога мальчика выбилась из-под одеяла и подрагивала, а глаза непрерывно бегали под веками. Наверное, в этот момент он охотился в гвинейских джунглях или отважно сра-

жался с флибустьерами под знойным карибским солнцем. Из его носа на подушку медленно сочилась кровь. Иногда это бывает у натур тонких и впечатлительных. Тень остановила ее ток своим ледяным дуновением.

Я сразу почувствовал, что тень мальчика сродни моей.

Она дрожала и колыхалась волнами, пытаясь оторваться от маленького хозяина. Его тень была очень голодна и отчаянно рвалась на свободу, но пока еще не умела проникать в мысли хозяина. Мне стало понятно, почему мальчик спал тревожным сном – его беспокойство было отражением страданий, невольно причиняемых голодной тенью. Люминесцирующим оком я приник к нему и узнал главное.

Мальчика звали Павлик, ему недавно исполнилось девять лет. Шумным развлечениям сверстников он предпочитал уединение с книгой. Больше всего ему нравились веселые проделки Карлсона, который в его воображении жил на одной из рубероидных крыш ближайших панелек. Малыш любил сидеть у открытого окна и смотреть на колышущиеся верхушки лип, мечтая, что вот-вот вместе с прохладным ветром в окно вихрем ворвется упитанный мужчина в расцвете сил из любимой сказки. На этот случай он держал под кроватью двухлитровую банку с клубничным вареньем, но Карлсон почему-то не прилетал, и варенье заросло мукором.

Отец Павлика – ростовщик средней руки – считал меланхолию сына чем-то сродни уродству, был груб и не любил его. Всякий раз, когда лязг ключей, входящих в дверной замок, прерывал мечтательное состояние ребенка, тот невольно вздрагивал.

Глядя на мальчика, я вспомнил, как сам впервые отпустил погулять свою тень. Тогда я был старше Павлика на несколько лет, и моя тень тоже мучила меня по ночам, пытаясь сбе-

жать на волю. В один из дней своего сложного взросления я подрался с одноклассником, которого считал другом, и заработал фингал. Мне было так обидно, что ночью я никак не мог заснуть, придумывая самые изощренные способы мести.

– Отпусти меня и не пожалеешь, – донеслось тогда сквозь окоlesiцу моих путанных темных фантазий. Меня охватил испуг, переросший в ужас от мысли о нарождающейся шизофрении.

– Ты кто? – спросил я вслух, надеясь, что если заговорить, то глюк исчезнет.

– Просто скажи, что позволяешь мне погулять, и я исполню твое самое тайное желание! – еще более явственно раздалось в голове.

Я был напуган, поэтому сделал все, о чем просил голос, и в благодарность испытал сначала физическое облегчение, а затем удивление и невероятный восторг от исполнения своего желания. Я сообразил, что раз тень исполнила мое желание, то было бы глупо ее упустить. Поэтому я призвал тень к себе и был весьма растроган, когда она безропотно вернулась на свое место.

На следующее утро я проснулся совершенно счастливым человеком в отличие от бедного одноклассника, на похоронах которого через пару дней я искренне прослезился. Все-таки много хороших воспоминаний связывало меня с ним. Конечно, мне было жаль его, ведь это была всего лишь глупая ссора, и через неделю мы могли бы вполне забыть о

ней. Но зато какие перспективы этот случай открывал предо мной!

Только много лет спустя, пройдя сквозь череду бессмысленных удовольствий и отточив инструментарий управления тенью, я понял свое истинное предназначение – быть ночным кошмаром грязных людишек, их фатумом, чем-то вроде Фредди с улицы Вязов, врывающегося с безумной ухмылкой в их дурные сны.

Моя тень опустилась рядом с тенью Павлика и успокоила ее, поделившись своей добычей. Потом она помогла ей освободиться от мальчика, и тени стали играть друг с другом, словно кошки, и перешептываться о хозяевах. Как ни странно, но я испытал радость от осознания того, что я не единственный избранный и существуют еще равные мне в могуществе люди, а мое духовное одиночество закончилось. Я смотрел на лицо мальчика, которое теперь выглядело расслабленным и успокоенным, и обдумывал открывающиеся перед нами перспективы, пока не уснул.

Я покрылся холодной испариной, пытаюсь выбраться из мучительного сна, понимая, что чужая тень настигла меня и душит. Но я был бессилен защитить себя без Хатико, которую забыл призвать на место перед тем, как уснуть. Приглушенный детский смех донесся до меня издали.

– Павлик? – произнес я. – Что ты делаешь? Разве ты не

чувствуешь, что мы с тобой ближе, чем близнецы, что кто-то наверху не просто так устроил встречу двух избранных? Разве я не предложил тебе свою помощь...

Недоговорив, я увидел сияние, которое манило меня ароматом полевых цветов, и поплыл в его сторону.

До сих пор надоедливая мысль не дает мне покоя: почему Хатико покинула меня? Подозреваю, что это кара за трусость, которую я проявил, испугавшись возможности дотянуться до «центров принятия решений» и сразиться там с древними, как мир, азиатскими дэвами.

Цирк

Утро было ясным и прохладным, с четко очерченными тенями домов, как это бывает в южных городах.

– Не гляди на солнце, – с улыбкой сказала мама, которую я держал за руку, и прикрыла теплой мягкой ладонью мои глаза.

От моря мы вышли к привозу, а оттуда через мост свернули на дремавшую в тени старых каштанов набережную. Там я кинул звонкую копейку в окно воспитательницы, а она махнула нам вслед и выпорхнула по делам.

Вокруг ароматных цветков космей кружили журчалки-бобики. Я ловил их в кулак и выпускал, подкидывая вверх. Мы вышли на длинный широкий проспект, обрамленный с двух сторон рядами цветущих яблонь. Там мы качались на ветвях деревьев, как на качелях, ели шоколадное мороженое и смеялись, а мама обнимала меня.

В полдень сгустилась жара, и движение жизни почти замерло. Проспект обезлюдел, пропали машины и бродячие собаки. Насекомые перестали жужжать и затаились в тени. Поднялся горячий ветер и стал гонять по раскаленному асфальту пылевые смерчи. Внутри зародилась тревога.

Внезапно дорога оборвалась пыльным пустырем, над которым возвышался исполинский синий шатер. Он нервно трепетал под натиском колючего ветра, который с воем вры-

вался в его разодранное нутро. Шатер издавал низкий гул, как будто был под высоким напряжением.

Мы остановились, и мама заворуженно посмотрела на шатер.

– Сынок, – произнесла она, – здесь была школа настоящих героев. Один из них был похож на актера Даля и ходил за тридевять земель в Каракорум к Великому вождю. Когда-то перед шатром был фонтан в окружении кустов сирени, мы целовались в его прохладе и глядели на мальчишек, которые бродили по пояс в воде, вылавливая монеты с его дна. Тогда мы были счастливы, и у нас зародилась мысль о тебе, мой мальчик. Когда случилась война, ты был еще совсем маленьким.

– Неправда! – воскликнул я. – Я отлично помню, как циркачи тогда вышли из шатра, а отец шел впереди, уводя их сражаться в сторону заходящего солнца!

– Ты хочешь увидеть его? – спросила мама, наклонившись к моему лицу так, что я почувствовал ее теплое приятное дыхание, и кивнула в сторону шатра. Я кивнул ей в ответ и смело пошел к шатру. Подойдя к нему, я заколебался на мгновение – мне все-таки было страшно, но затем зажмурился и вступил в одну из многочисленных прорех.

Внутри шатра я провалился в абсолютную тьму и инстинктивно отпрянул назад, но выхода уже не было. В шатре было холодно, сыро и удивительно тихо – он был словно изолирован от внешнего мира. Я на ощупь двинулся вперед

и начал блуждать в потемках среди лавок и ступенек, больно ударяясь коленями и пальцами ног об угловатые препятствия, пока не добрался до мягкой преграды – бортика арены. Вступив на арену, я сразу споткнулся о что-то твердое и упал. Вглядываясь в черную пустоту перед собой широко раскрытыми глазами, как слепец, я ощупал препятствие и с ужасом обнаружил, что это холодное человеческое тело.

– Папа, это ты? – осторожно спросил я. Откуда-то издали донесся надрывный смех.

На четвереньках я начал ползать по арене среди множества тел и искать отца, пытаюсь на ощупь определить наше сходство, но все лица казались мне одинаковыми.

– Мама! – крикнул я в отчаянии, и эхо заметалось в пустоте.

– Это школа героев! – донеслось издали и утонуло в бездне шатра.

Устав от отчаяния, я сел на мягкую стружку арены и заплакал.

Внезапно мертвую тишину словно разрезал скрипучий голос: «Они сами напали на нас!»

Я вскочил от испуга и начал размахивать руками вокруг себя, пытаюсь отпугнуть наваждение. Однако оно не развеялось, а наоборот, усугубилось – со всех сторон посыпались неразборчивые выкрики, которые в конце концов слились в один общий гул, усиленный многократным эхом. Какие-то из этих выкриков даже можно было разобрать: «Они не лю-

били нас! Они мечтали погубить нас! Им нужно было наше добро! Они хотели разрушить наш Цирк!»

Внезапно голоса смолкли, и образовалась настолько глубокая тишина, что у меня закружилась голова, и я сел на бортик арены, закрыв уши ладонями. В этой тишине было что-то неестественное, и меня буквально сковало от смертельного ужаса, который иногда приходит в Час быка, когда во тьме вдруг прорезаются красные глаза внутреннего демона.

Сначала раздался громкий треск, словно закрипела ржавая телега, а затем повелительный голос, заполнивший все пространство вокруг, произнес: «Помогите мне встать!»

Со всех сторон послышалось шевеление, и что-то больно ударило меня по ноге. Я понял, что это мертвые тела двинулись ползком к их вождю.

– Подведите меня к нему!

Скрип множества тел начал приближаться ко мне, а я не мог даже пошевелиться, чтобы отступить вглубь шатра. Я понимал, что бежать все равно некуда – ступив в шатер, я оказался в ловушке.

– Дитя, если ты хочешь иметь успех у зрителей, то должен понимать их слабости и искусно владеть магией Иллюзии, Лжи и Лицемерия, – раздалось прямо над моей головой, хрипя и присвистывая.

Я невольно вздрогнул – оцепенение постепенно проходило. Я встречал слово «лицемерие», но не помнил, где и когда, поэтому промолчал и только кивнул в ответ. Нечто твердое

и холодное коснулось моей головы и начало водить по ней вперед и назад. Я понял, что это облезлая костлявая ладонь неуклюже пытается гладить меня. Мои волосы застревали в торчащих суставах и наматывались на сухожилия, поэтому движения мертвой руки причиняли нестерпимую боль.

– Тебя всему научат в нашей школе героев, а я сам стану твоим учителем. Хорошо, что ты наконец вернулся ко мне, ведь ты такой же, как я, со временем станешь вождем и отмстишь за всех нас.

Вдруг рука резко рванула вверх, вырвав большой клочок моих волос, и я закричал от боли. Через секунду она, обломившись как трухлявая ветвь, обрушилась на меня жестким ударом. Последнее, что я помнил, были звезды перед глазами и треск рассыпающихся костей.

Я сидел на скамье рядом с мамой среди зрителей и смотрел на лошадей, которые скакали по самой кромке цирковой арены. На лошадях крепко стояли джигиты, которые широко улыбались и на скаку дарили публике воздушные поцелуи. Световые пятна прожекторов сновали по арене туда-сюда, не успевая за ловкими всадниками. Иногда они набегали на ряды зрителей, и тогда люди щурились, прикрывая свои глаза руками. Всем было очень весело, но было ощущение, что все ждут главного циркового события – выступления клоунов.

Когда наконец вышли клоуны, то раздались громкие крики и хлопки, а некоторые зрители даже стали топтать ногами

от возбуждения. Один из клоунов отвешивал другому тумаки и смеялся над ним, а второй отшучивался, смешно брызгая струйками воды из трубочек над ушами, будто это слезы. Зрители заходились от хохота, а у меня в голове надоедливо крутилось слово «лицемерие», которое отвлекало от шуток веселой пары.

G
u
t
t

После цирка мы с мамой вернулись домой. Перед сном в постели я листал любимую книжку про гуттаперчевого мальчика. Я часто представлял себя идущим по тонкому канату в напряженной тишине над бездной, внизу которой в полумраке таились сотни людей с застывшими лицами. В глубине души (я это знаю) они с волнением ожидали моей ошибки. В этот момент я ощущал свою власть над ними, зная, что ни за что не одарю их этой тайной запретной радостью.

В ту ночь я крепко спал, а легкий ветерок из открытого окна приветливо поглаживал мою спину. Во сне я видел безлюдный город и цветущие яблони. Я и мама щурили глаза на яркое южное солнце и смеялись. Мы оба были счастливы, идя по широкой дороге к Цирку.

Планета цветов

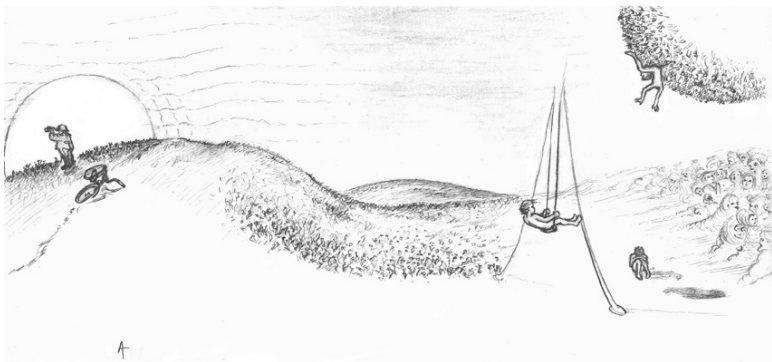
У меня есть Планета цветов, а не какой-то там астероид с одним самовлюбленным цветком, как у Маленького принца. Мириады радужных цветиков-семицветиков колышутся на ветру убегающими за горизонт волнами, испуская невероятно ароматную пыльцу. Они шепчутся со мной, роняют на меня росу, обсуждают мои мысли и видения, любят меня. Своими переплетающимися корешками они формируют гигантскую подземную сеть, обладающую разумом любознательного и неутомимого ребенка-«почемучки», с которым я дружу.

Мне приходится делить свою планету с одним полоумным фрицем, который в Первую мировую отбил от своих и исколесил на велосипеде всю причерноморскую степь, пока неведомой дорожкой не прикатил прямиком на Планету цветов. Я встречал его несколько раз на закате солнца, когда он стоял на вершине моего холма на фоне пылающего красного диска и осматривал окрестности в бинокль. Заметив меня, он, брезгливо морщась, проваливал прочь. Ничего удивительного, ведь я всегда гол, а мой рот практически постоянно набит вкусными брюшками кузнечиков. Не знаю, зачем этому фрицу была нужна почти истлевшая шинель и чем он набивал свое брюхо среди безбрежных цветочных полей, но только завидев меня, он корчил такую страшную ро-

жу, будто давил пальцами слизняков. А я в ответ махал ему рукой, ведь мне-то что.

Я всегда улыбаюсь, даже когда сплю и ем, потому что живу в состоянии постоянного удивления и открытия. В трещаниннике цикад я слышу музыку, в полете светлячков мне открывается гармония, ночной воздух дрожит от избытка рифм, и я с восторгом вдыхаю аромат его поэзии. Опровергая законы диалектики, я бесконечно счастлив тысячи лет от осознания того, что я живой и могу различать цвета радуги, есть хрустящих кузнечиков, смотреть на солнце, скатываться с холма, громко петь, смеяться, качаться на качелях, видеть сны и мечтать.

Мой холм целиком покрыт неувядающими одуванчиками – прекрасными сочными цветиками с приятной горчинкой. Я выбрал этот солнечный холм, потому что когда-то мечтал научиться делать из одуванчиков вино, чтобы с его помощью возвращать близких людей. Но эта затея провалилась, потому что они так и не пришли, хотя я очень ждал. Тогда я понял, что не всесилен даже на своей планете, и многие мои мечты и планы превратились в звездную пыль, но я кротко смирился с этим и не стал упорствовать в пустых устремлениях.

Вечерами я обычно качаюсь на качелях, вглядываясь в уходящую за горизонт сырую холодную мглу, населенную неведомыми мне существами, которая то надвигается на холм, пугая меня и цветы, то отступает. Ее сущность сродни демоническому Цирку с его мертвецами и клоунами, который пытается дотянуться до меня своими костлявыми клещами и заставить лгать самому себе. Теперь я хорошо знаю, что такое лицемерие.

Приближаясь ко мне, мгла начинает колыхаться мириадами размытых образов. Некоторым из них удастся приобрести узнаваемую форму, тогда они устремляются в мою сторону и вытягиваются в струну, пытаясь оторваться от тумана, но тот держит их крепко и никогда не отпускает. Устав сопротивляться, они спешат рассказать мне о том, как им живется без меня, и спрашивают, когда я снова вернусь к ним, после чего, не дождавшись ответа, отворачиваются и

навсегда растворяются в тумане. Под этот гомон я обычно засыпаю, не забывая перед сном попросить Почемучку постеречь мой холм от мглы, чтобы та не захватила меня врасплох. Мой друг мысленно кивает мне и желает сладких снов.

Когда-то очень давно мгле удалось настичь меня, и тогда я на многие годы впал в беспомощное бредовое состояние, пока мои верные цветики своими волнами не отогнали ее и не освободили меня. Во время плена мгла выкрала мою память и с тех пор дразнит меня дорогими и любимыми образами из моих прошлых жизней.

Однажды со стороны заката появился Павлик и робко подошел ко мне. Усевшись на траву рядом с качелями, мальчик рассказал, что после смерти родителей он наделал много глупостей, и тень покинула его. В детском доме чурались и боялись странного ребенка без тени, а потом из деревни приехала бабка и забрала его к себе. Там местные мужики заманили Павлика в лес и повесили, так как с его приездом помер молодой поп и начался мор скота. Мальчик показал следы удавки на своей шее, а потом сказал, что у него тоже есть своя планета, покрытая чудесными барвинками и тамарисками, в зарослях которых он ловит серых ящериц с длинными вкусными хвостами. Удивительно, но свою планету он делит со мной и ему там хорошо. Павлик ушел на рассвете, улыбнувшись мне на прощание, бесшумно скользя кончиками пальцев ног по влажной прохладной траве. Я давно простил малыша, ведь не всем по плечу столь тяжелая ноша, как

хищница-тень. Я не держу зла и на милую Хатико, потому что ее поступок не был предательством.

Иногда путаными тропами своих снов ко мне приходит Машенька и, обхватив руками мою шею, приникает к груди, пытаясь уловить биение моего сердца, но после безуспешных попыток она поднимает на меня удивленные глаза и спрашивает: почему я так долго не возвращаюсь и не забираю ее в наш новый деревенский дом? Ну что я могу ответить ей? Я просто обнимаю ее, а она, ускользая, оставляет лишь едва уловимый аромат мягких воздушных волос и возвращается в свой причудливый мир, сотканный из трещин потолка больничной палаты.

Просыпаясь ночами, я подолгу гляжу на луны над моим холмом. По одной из них неутомимо бродит Берт, рассекая пространство своими могучими шагами, иногда замирая, чтобы слушать голос природы. На своей луне учитель наконец обрел обетованный мир, в котором он единственный хозяин. Берт совсем не сердится на меня и, пролетая над моим холмом, всегда приветливо машет обеими руками, аккуратно положив голову на свои колени. Мы оба получили по заслугам за бессмысленность своих затей, навеянных гордыней, ибо нельзя построить новый мир, утопив старый в крови. Такой мир всегда будет с червоточиной, из которой распространится гниль и сожрет его.

Даже на Планете цветов бывает зима. С ее приходом одуванчики закрывают свои цветики, и мгла начинает настой-

чиво наступать на холм. Это значит, что мне пора уходить. Тогда я сворачиваюсь клубком у подножия холма и начинаю думать о приятном, считая по порядку склонившиеся над мной цветы, будто бы это барашки. Цветы приятно поглаживают мою спину и щекочут лицо, а когда я ухожу, то плотно оплетают мое тело, накрывая его одеялом-коконом.

Когда по ночам становится холодно, то с одной из лун, кружась, на мой холм спускается дух Шамана со своим верным тотемом – тремя могучими финвалами. Он разводит огонек рядом с коконом, чтобы согреть меня, а его верные воины-киты кружат вокруг холма, отгоняя наступающую мглу и приبلудного фрица. И это здорово, потому что зимой Почемучка становится сонным и часто забывает о своих обязанностях.

Во время зимы я рождаюсь, проживаю яркую жизнь и умираю на далекой голубой планете возле звезды-отшельницы на краю галактики. Я до сих пор не понимаю, почему мой путь всегда лежит на эту планету, но что-то неразрывно, как пуповина, связывает меня с ней. И я совсем не против этого. Люди на этой планете чем-то похожи на меня, пребывая, как и я, в царстве своих эмоций и воображения. Но если я давно нашел секрет внутренней гармонии, то они застряли где-то на стадии развитого шимпанзе, практикуя кровавые ритуалы для сплочения стаи вокруг племенного вождя. Слишком глубоко они завязли в архетипах родоплеменного строя с его примитивными играми в своего-чужого. Жестокие де-

ти. Успеют ли они повзрослеть?

Когда весна вновь приходит на Планету цветов, я пробуждаюсь и сбрасываю кокон, являя своим друзьям новое тело и новую суть, приобретенные в земной жизни. Поначалу цветики немного пугаются, не узнавая меня, но, пошептав со мной, успокаиваются, и жизнь возвращается на круги своя. И это великое счастье – быть преисполненным новыми идеями и впечатлениями, ведь полученный опыт делает меня еще мудрее.

Увы, но постепенно мгла притупляет мои мечты и видения, обостряет тревоги. Тогда вновь приходит время моего путешествия и наступает перерождение, а жизнь выходит на следующий виток спирали, являя миру чудесный узор на крыльях новорожденной бабочки.

Вечные души

За время существования человечества все свыклись с прискорбным фактом бренности человеческой плоти, и люди зачастую с залихватским весельем практикуют взаимный убой вместо того, чтобы красиво и с достоинством бросать вызовы богам, хтоническим чудищам и стихиям. Лишь немногие из них, в основном правители, искали и продолжают искать эликсир физического бессмертия, полагая, что раз уж они поймали Бога за бороду, то вправе требовать еще и такую малость. Однако практически всеобщее смирение и склонение голов перед костлявой с косою сполна компенсируется искренней верой в вечную жизнь их сознания (души) после кончины.

Я приоткрою вам тайну, которая неведома фанатичным атеистам, еретикам и всем видам правоверных. Во-первых, человеческие души существуют, но они такие же недолговечные, как и плоть, за редким исключением. Во-вторых, души есть не только у людей, но и у других разумных существ, коих хватает во Вселенной. Прообраз души есть и у некоторых животных, обладающих когнитивными способностями. Чем ниже организация живых существ или чем на более ранней стадии индивидуального развития они находятся, тем более эфемерны и прозрачны их души.

Выдумки о вечности человеческой души в раю или аду на-

ивны. Эти представления рождены во времена детства человечества, когда люди только выползли из нор и начали освобождаться от язычества с его прекрасными мифами. Окружающий мир человека той эпохи был устроен очень просто из-за узости Эйкумены и наполнен множеством мистических существ, реальность которых определялась искренностью веры в них. Ну и как же было обойтись без детского эгоцентризма? Чего только стоят представления о том, что солнце и звезды вращаются вокруг Земли, а человек создан по образу и подобию Божию?

Однако не все души угасают со временем. Встречаются среди них и такие, которые существуют бесконечно долго, иногда дольше, чем длится цикл физической Вселенной. Вечная душа намного плотнее и сложнее обычной «смертной» души, совсем не чета ей. Среди людей иногда встречаются невольные обладатели таких душ. Бессмертная душа, как кукушонок, входит в человека, будто в чужое гнездо на самой ранней стадии формирования его личности, в глубоком детстве, когда собственная душа ребенка хрупка и почти прозрачна. После инкарнации душа-кукушонок вбирает в себя родную душу ребенка и полностью замещает ее. Когда происходит такой подлог, ребенок обычно проявляет нехарактерные для его возраста способности, а иногда его поведение становится неадекватным и загадочным с точки зрения окружающих. Так, он может подолгу разговаривать с невидимыми друзьями, бродить в потемках, рассказывать о

видениях из многовекового прошлого.

Счастливики, которым выпал приз обладания вечной душой, приобретают и частичку ее потусторонней сущности (божественную искру), в том числе вспышки воспоминаний о предыдущих циклах инкарнации. У таких людей случаются озарения и пророчества, которые обычно происходят во сне, когда сознание не заблокировано потоками мыслей, чувств и эмоций, и приоткрывается для общения с душой. Схожий со сном эффект имеют также практики введения разума в состояния трансценденции, которые бывают весьма успешными для обладателей вечных душ. Музыка, как самый мистический и малообъяснимый с точки зрения науки вид искусства, также способствует открытию заслонки между сознанием и душой. Обладатель вечной души может совершать необъяснимые и неподдающиеся сиюминутной логике поступки, которые, к удивлению, восхищению и зависти окружающих, заканчиваются грандиозным успехом. В основе этого феномена лежит опыт множества поколений и провидческая сущность вечной души.

Людей с бессмертными душами часто отличает выразительная харизма и необъяснимая удача. Они могут создавать вокруг себя значительные исторические колебания или усиливать их до состояния цунами. Такие люди нередко становились прототипами героев и полубогов в мифологии древних цивилизаций. Но и в более позднее время зафиксированы деяния людей, выходящие за рамки челове-

ских возможностей. Например, удивительный феномен жизни-подвига Жанны д'Арк, совмещающий мужество, удачу, дар пророчества и убеждения, мистические и необъяснимые факты жизни, мог бы лечь в основу героического эпоса Великого слепого, если бы Жанна встретила «милого дофина» во времена Троянского царства.

Обладателям бессмертных душ бывают присущи необыкновенные проявления власти духа над телесным, святость и старчество, чему ярким примером является Франциск Ассизский. Души таких людей настолько «светятся», что это приводит к возникновению феномена «чудотворства», особенно чуда исцеления. Также среди них много гениев, но нужно понимать, что суть гения не только в умении узреть скрытую истину, но и в способности донести ее до человечества вопреки окружающим обстоятельствам, веруя в истину искренне и жертвенно, содействуя тем самым ее укоренению в обществе. Всем известный пример – Джордано Бруно, с удивительной для своего времени концепцией безмерности Вселенной, который предпочел смерть в огне отречению от близких его душе воззрений. Такая жертва придала значительный импульс дальнейшему развитию «еретических» идей. В огне закаляются бессмертные души.

Количество людей, обладающих вечными душами, возрастает в переломные моменты истории, яркие и насыщенные событиями времена, когда «божий дар» в человеке становится максимально востребованным. Вспомните цитадель

искусства и просвещения – Город цветов – на рубеже XV и XVI веков, по живописным улицам которого прогуливались Леонардо, Микеланджело, Рафаэль, Боттичелли, Макиавелли, Лоренцо Великолепный, Савонарола. Хотя не все они были обладателями бессмертных душ.

После смерти «хозяина» его жизненный путь и личность навсегда запечатлеваются в памяти бессмертной души, а сама она вновь трансформируется в божественную сущность – **вайи**. Очевидно, что разумные существа – обладатели вечных душ являются аватарами божеств-вайи в физической Вселенной. Краткое описание одного из таких божеств приведено в рассказе «Планета цветов», которому предшествуют истории из жизни его земных аватар. Эти истории отражают видение человеческого мира «глазами» вайи. Для этих божеств характерно мировоззрение и мышление разумных существ, поскольку мир каждого из них складывается из последовательности жизненных путей его аватар. Вайи как древнегреческие боги живут страстями и мыслями смертных.

Примерное описание миров вайи можно найти в некоторых прозорливых произведениях, таких как «Маленький принц», «Питер Пэн», «Алиса в Стране чудес», которые явились результатом интуитивного прорыва человеческой мысли в чертоги бессмертных. Миры вайи сюрреалистичны, для них характерны простота и детскость, зачастую они наполнены сказочными образами и фантазиями. Это связано с тем,

что бессмертная душа не различает явь и сон, реальный и воображаемый мир разумного существа, взаимодействуя, в основном, с его подсознанием. Предположу, что сюрреалистический гений Дали отражает приоткрывшийся ему через бессмертную душу гротескный и метафоричный мир вайи.

Вайи способны взаимодействовать друг с другом, устанавливать и разрывать взаимные связи, обмениваться опытом и памятью о физическом мире. Совокупность этих божеств и их взаимодействий формирует своеобразную нейронную сеть и сознание верховного божества – **Кари**. Первичным источником информации для Кари (его органами чувств) являются аватары вайи во всех разумных мирах Вселенной. Аватары также выполняют роль драйверов цивилизаций, ускоряя их развитие за счет концентрации опыта сотен поколений. От момента создания до конца Вселенной аватары обеспечивают связь Кари со всеми возникающими и угасающими цивилизациями, насыщая пытливым и творческий ум верховного божества бесчисленным множеством видений.

Разумная жизнь является наивысшей формой эволюции Вселенной, но для нее характерна низкая вероятность возникновения даже в благоприятных условиях и недолговечность существования. Так, большинство очагов разумной жизни исчезает в пламени саморазрушения, едва достигнув необходимого для этого уровня технологий. Увы, но разум не всемогущ. Он не способен побеждать физическую смерть

и глобальные кризисы, преодолевать межзвездные пространства и переносить жизнь от звезды к звезде, что обрекает любую цивилизацию на угасание на тесном шарике в условиях экзистенциальных угроз. Осознание этой простой истины любым обществом приводит к неизбежному разочарованию в своем будущем и апатии, снижению запроса на реалистичную картину мира, откату в развитии на целые эпохи и как следствие – к преобладанию тенденции к саморазрушению, нарастанию техногенных катастроф и выходу из-под контроля сверхоружия. Не все цивилизации благополучно переживают этот «кризис среднего возраста», который усугубляется иррациональностью ключевых решений – неотъемлемой чертой всех разумных существ.

Многие циклы Вселенной Кари ищет пути преодоления проблемы недолговечности существования разбросанных по космосу одиноких островков разума. В начале каждого цикла Демиург-экспериментатор задает новые условия Вселенной – математическую идею и физические законы, рассчитывая на более совершенный мир. Важно понимать, что Кари не вмешивается в процесс эволюции Вселенной после ее создания, не участвует в развитии отдельных цивилизаций и не управляет судьбами их обитателей, что почти всегда противоречит их собственному представлению о своих взаимоотношениях с Богом.

В начале каждого цикла Вселенной происходит обновление большинства вайи, и Кари становится по сути младен-

цем, погружаясь в долгий «сон», во время которого возникающие цивилизации одаряют своего создателя путями познания истины, лабиринтами искусства, духовными практиками и другими достижениями разума. Разумная жизнь питает сознание Творца, а он «взрослеет» и мыслит о лучшей версии Вселенной. Но бывает так, что Кари испытывает тревогу из-за кошмаров или отсутствия сновидений. В этом случае он может проснуться и провести ревизию Вселенной. Тогда наступает Апокалипсис, во время которого вспыхивает множество сверхновых, которые уничтожают существующие миры и синтезируют материю для новых планет и цивилизаций.

Интуитивно человечество ощущает существование Кари и его элементов – вайи – через соприкосновение с вечными душами. Индуизм, пожалуй, наиболее близко подошел к пониманию сущности Кари. Однако и Христос являет собой божественную аватару, ошибочно приписываемую верховному божеству, хотя у того не может быть личных аватар. Со времени Вознесения бессмертная душа Христоса-вайи несколько раз возвращалась на Землю, а ее обладатели становились пророками, не обязательно христианскими.

Среди вайи есть те, кого с точки зрения человека можно назвать «добрыми» (ангелами) и «злыми» (демонами); то же самое относится к их аватарам. Однако сам Кари не мыслит в рамках этических и любых других цивилизационных категорий, коих множество. Кари принимает любые разумные миры Вселенной, а витиеватые пути природы и эволюции неве-

домы даже ему самому. Его любовь также не имеет предпочтений, связанных с верованиями и религиями, поскольку они лишь отражают многообразие путей познания и интерпретации истины.

Сладких снов тебе, Кари!

Эпилог

Насколько иллюзорен мир, описанный в этом лаконичном сборнике историй – тебе решать, дорогой читатель. Разум человека – чрезвычайно сложная штука, представленная системой хрупких и уязвимых надстроек над фундаментальными животными инстинктами. Среди этих надстроек, кроме интеллекта и логики, можно выделить любовь во всех ее проявлениях, чувство прекрасного и творчество, эмпатию, альтруизм, ненависть, достоинство, воображение, др. Особую роль в играх разума играют воображение, видения и сны, отражающие внутреннее стремление человека достраивать окружающий мир, придавать ему новые свойства и смыслы путем преломления действительности в творческой среде бессознательного. Именно воображение помогает человеку объяснить терзающие его вопросы: «Кто я? Как? Для чего?» Дети особенно открыты полету фантазии, так как их воображение не задавлено повседневностью и суровостью жизненного опыта, а количество «Что?» и «Почему?» просто зашкаливает.

В попытках понять законы мироздания создаются образные картины мира, имеющие в основе вековую борьбу Добра и Зла. Таковы миры основных религий, Джона Р.Р. Толкина, Джоан К. Роуллинг, Стивена Спилберга, вселенные Марвел и DC, др. Некоторые люди обладают способно-

стью не только создавать собственные миры, наполненные ангелами и демонами, волшебниками и ведьмами, сказочными существами и извращенными порождениями ада, но и глубоко погружаться в них, проживая там свои жизни. Это выглядит неадекватным для окружающих, но является естественным для них, возвышая над толпой непосвященных.

Очень скоро число «ушедших» стремительно вырастет, ибо свое победное шествие начнет новый мощный инструмент погружения сознания в воображаемый мир – Метавселенная. В ней человек приобретет ряд божественных способностей вайи, в том числе возможность менять лики/аватары и избирать наиболее комплементарные себе миры для проживания. Когда развитие информационных технологий достигнет достаточного уровня и тренд на уход в Метавселенную станет глобальным, то наступит время главенства искусственного интеллекта. Он возьмет на себя функцию генерации условий/правил виртуальных миров и станет их регулятором, то есть виртуальным Кари. В конце концов виртуальная реальность почти сольется с бытием, а правда – с ложью, потому что любая информация станет правдоподобной, обретя неотличимые от истины доказательства. Благодаря бесконечному многообразию Метавселенной, в ней воплотится основная идея цивилизационного прогресса – возможность самореализации человека. Вернется утерянная сказка, быть может, добрая, а может, и злая, – все зависит от того, каких кари «воспитало» человечество за время своего существо-

вания.

А я буду есть одуваны, отгонять мглу и болеть за вас:-)

PS. Приведенная онтологическая концепция Вселенной является примером полета фантазии, а не мессианским угаром)) Придумывать прикольно!

Это добрый или злой тролль? Рисунок есть, но пока нет истории.